

МАСТЕРСКАЯ

Рое. Вестн. - 1994 - 27 июля - с. 5.

Пейзаж из окна вагона

Андрей ЛОТОВ

Задача художника - подметить в том сиюминутном, что нас окружает, приемы вечности, а значит, сделать его вневременным. Поэтому, наверное, в работах Андрейки нет людей и машин. Без них улицы и дома выглядят такими, какими они были вчера, какими будут завтра.

Так видит Андрейка сельские пейзажи средней полосы России, пленяющие своей неброской красотой. Наши дома, когда-то нарядные, а теперь приобретшие скорбно-страдальческий вид благодаря многолетней нищете жильцов. На выставке они соседствуют с островерхими черепичными крышами Баварии. Рядом - тяжелые баржи, беременная вода Сены, драпирующей свои берега романтически поникшими ивами. Альпийские вершины, оттеняющие белизну ледников разнотравьем луговой растительности. Каждый пейзаж несет в себе чудесный сплав национальной экзотики, показанной художником через призму русского восприятия, каждый рождает в душе такую гамму чувств, что хочется разглядывать его снова и снова. Красоты дальних стран удачно дополняют интерьеры английских замков.

Наши квартиры, ставшие хранилищем банок с соленьями, декорированные шкафы из прессованных опилок и сохнувшими обносками, художественного интерьера не создадут. Жилье нуворишей; обставленное по образцу немецких каталогов, чтобы продемонстрировать богатство владельца, пробудить эстетическое чувство художника, тоже не способно. Чтобы вдохновить его, нужен такой интерьер, в котором каждая вещь имеет свой характер. Где ж такой взять?

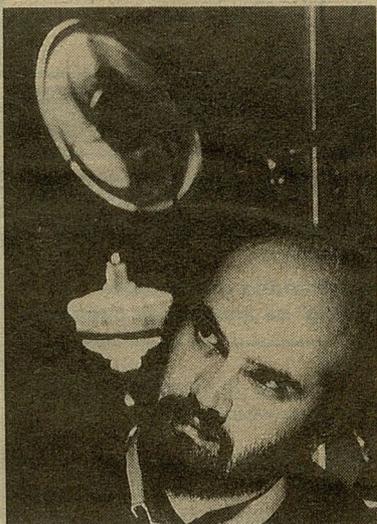
...Вначале Сергей Николаевич работал в музеях. Дома, в которых «ютились» Лев Толстой, Хрущев, Пушкин, конечно, обладали индивидуальностью. Имели свое лицо. Грешили они только одним.

- Жизнь навсегда покинула населявшие эти стены предметы, - говорит Сергей Николаевич. - Кажется, пыль и скука навсегда отгородили их от нас шнуром с табличкой «Не трогать!», расставленные равнодушной рукой диваны и кресла. Однако музейные интерьеры заметили там, где умеют по-настоящему ценить солидную красоту налаженного быта. Меня стали приглашать в Великобританию, чтобы увековечить интерьеры старинных замков.

- Дом англичанина - предмет его гордости, - продолжает Сергей Николаевич. - Здесь нет ничего случайного, тщательно продумывается любая деталь: часы, безделушки на каминной доске, шторы, драпирующие фигурные окна, кресла, придвинутые к камину, бра и торшеры. Резные двери раскрываются в сад, где каждая травинка, каждый кустик подстрижены по ранжиру и растут на строго определенном месте. Такое хозяйство требует выработанной веками культуры и специфического образования. Фактически его владелец - это специалист по дизайну.

...Техника, в которой работает Сергей Николаевич, - сухая многослойная ак-

Покончив со страстями Автомобильного альянса, московский Манеж открыл персональную выставку художника-акварелиста Сергея Андрейки. Более 500 представленных им работ завораживают запоминающимся цветовым образом, четким рисунком и удивительной внутренней гармонией. Руке мастера одинаково подвластны все жанры - от натюрморта до портрета. Запечатленные на них образы людей кажутся скорее аллегориями: весна, поэтическое вдохновение, олицетворенная живопись.

варель. У нас в стране ее преимущественно используют в младших классах художественных школ и училищ. Уже больно недолговечен материал. Держать работы придется вдали от солнечного света. Боже упаси, если капнет вода. И все равно, как ни храни, со временем подложка картин разрушается, становится хрупкой. Акварель приходится «дублировать», наклеивать на холст.

- Это заблуждение, рожденное нашей бедностью, - смеется Сергей Николаевич. - Созданные на минеральной основе, акварельные краски практически вечны. Свет и время разрушают бумагу низкого качества. Та, которой пользуются английские художники, от солнца не портится. Из каждой поездки я стараюсь привезти ее как можно больше, создаю стратегический запас. Художники-профессионалы не любят акварельную живопись по иной причине - она не допускает исправлений. Отмыл какое-то место раз, другой, и раскисшая бумага сочится мутной грязью. Масло - совсем другое дело. В музее Васнецова хранится картина, которую Виктор Михайлович переделывал всю жизнь... Мне акварель импонирует своей деликатностью, прозрачностью, светоносностью. Да и места готовые работы требуют немного.

- Сергей Николаевич, что означает для вас персональная выставка?

- Для живописца - это экзамен. Она позволяет заново оценить то, что было сделано раньше. Такая возможность выпадает ему нечасто. Ведь часть картин продается и навсегда уходит, те, что остаются, становятся частью домашней обстановки. Глаз привыкает к ним, перестает их воспринимать. Только просматривая работы вместе со зрителем, можно понять, чего ты достиг, не стоишь ли ты на месте...

Сергей Николаевич известен в Москве не только как художник, но и как талантливый преподаватель акварельной живописи. В вузах таких специалистов не готовят. Считается, если ты художник, значит, уже педагог. На самом деле объяснить, что и почему нужно изменить в картине, чтобы хоть немного улучшить ее качество, - это целая проблема. Незадачливые педагоги вузовалируют свое неумение пышными фразами - дескать, искусство - не математика, тут по полочкам все не разложишь. Можно только нутом понять. В лучшем случае прибегают к приему: делай, как я! Творческую индивидуальность так не воспитаешь. Для этого подростку прежде всего нужно дать хорошую техническую оснастку.

Студия Андрейки была одним из немногих приятных исключений. Собственно, это была даже не студия - так, идея, слегка начинавшая обраться людьми. Заниматься в ней мог всякий желающий. Плата едва покры-

вала издержки на аренду помещения. Сергей Николаевич ставил перед каждым соразмерную его силам задачу и помогал добиваться ее выполнения. В конце - просмотр работ, выполненных студийцем самостоятельно. Резюме Андрейка всегда начинал словами: «Молодец! Так уже гораздо лучше...» Дальнейший разбор оставлял у ребят впечатление, будто мэтр делился собственными проблемами и советовался, как преодолевать собственные трудности. Обиды такая критика, зачастую не оставлявшая от показанного камня на камне, ни у кого не вызвала. Мягкость, взаимное доверие - таков был стиль работы студии. Существовал только один запрет - смотреть телевизор, особенно мультфильмы.

- Беда в том, - улыбается Сергей Николаевич, - что мультяшки искажают цвет, а их герои - стилизованные люди и животные - воспитывают извращенное чувство пропорций и перспективы. Кроме того, телевизор, как и детские книжки с картинками, навязывает человеку определенные штампы. Для художника это недопустимо! Когда я учился в школе, чтобы не рассуждать на эту тему, мать телевизор просто выбросила.

Натюрморты, которые мы писали со студийцами на протяжении двух лет, позволили исподволь оснастить их неплохим техническим арсеналом, подготовить их к более сложной работе. Ре-

шили взяться за пейзаж. На дворе стояла зима...

Художнику для работы нужно тепло. На морозе и руки деревенеют, и краски стнут. Тащить студийцев на улицу было бы преступлением. Мы стали работать, глядя в окно пригородной электрички.

Тем, кто берется за пейзаж, природа создает множество проблем. Прежде всего в ней нет готовых композиций. Каждые десять - пятнадцать минут меняется освещение. Тени деформируются, уходят цвета... Хочешь - не хочешь, а приходится природу «поправить».

Главное - передать художественный образ, цвет, а не мелкие детали. Для того чтобы его запомнить и сохранить, достаточно несколько мгновений. По дороге на выставки, которые часто проходили в подмосковных городах, я часто делал из окна электрички этюды, по которым позже воссоздавал пейзаж в мастерской.

- Известный живописец, академик Грицай, говорил мне по этому поводу совсем другое: «Считается, что писать пейзаж проще, чем портрет. Малейшее искажение пропорций лица воспринимается нами, как тягчайшая ошибка. А пейзаж? Ветка туда, ветка - сюда... Пойди, разбери, как там было. На самом деле это не так. Создать хороший пейзаж, даже немного исказив то, что создано природой, невозможно. Он требует абсолютной достоверности!» Как вы относитесь к этой точке зрения?

- Алексей Михайлович - мой учитель. Я очень благодарен ему за то, как научил он меня чувствовать природу. Тем не менее здесь он неправ. Сам он потому и велик, что никогда не следовал догме. Так же было и с Леонардо, создателем теории пропорций в изображении человеческого тела и в смешении красок. Никому из тех, кто следовал его теории буквально, достичь вершин мастерства не удалось. В живописи, как и в поэзии, и театре, главное - художественный образ. Нюансы цветочных пятен, переходы полутонов, контрасты. Излишняя детальность только нарушает этот образ, требующий известных обобщений, отвлекает от него, нарушая мелочами соразмерность целого.

Я помню, как ученик Алексея Михайловича, безоговорочно следовавший его советам, мучился на практике с нарушенной композицией сосны. Чтобы согласовать ее с основным ландшафтом, он обошел дерево с другой стороны, отошел на другое расстояние. Все равно, оно так и осталось инородным пятном...

- Сергей Николаевич, многие ваши ученики никогда не станут профессиональными художниками. Стоит ли тратить время на дилетантов?

- Учить других тому, что я всю жизнь стараюсь постичь сам, - это уже огромное удовольствие. Кроме того, домашнее музицирование и занятия живописью - это прекрасное времяпрепровождение, великолепное средство развития эстетического чувства. Если ребята и не станут художниками, они обязательно будут знатоками, ценителями живописи. Без зрителей, способных по достоинству оценить сильные и слабые стороны картины, искусство стояло бы на месте...

Не так уж много времени прошло с тех пор, как Андрейка закончил Суриковский институт. А вот стал уже признанным мастером российский акварели. Правда, без титулов и регалий. Хочется верить, что пока!